

DOI: 10.24412/2470-1262-2022-3 -98-106

УДК (UDC) 81-25

***Raisa G. Zhamsaranova,
Transbaikal State University,
Chita, Russia***

***Раиса Г. Жамсаранова;
Забайкальский государственный университет,
Чита, Россия***

***For citation: Zhamsaranova Raisa G., (2022).
Discourse of Speech Act as an Ethnocultural Phenomenon.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 7, Issue 3 (2022), pp. 98-106 (in USA)***

Manuscript received: 24/09/2022

Accepted for publication: 20 /11/2022

The author has read and approved the final manuscript.

CC BY 4.0

ДИСКУРС РЕЧЕВОГО АКТА КАК ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА

DISCOURSE OF SPEECH ACT AS AN ETHNOCULTURAL PHENOMENON

Abstract:

The article is devoted to the description of the practice of studying the Mongolian speech act as an ethnocultural phenomenon. The tasks of the article are connected to accommodate two aspects of the speech act: linguistic and linguocultural. In this aspect, in order to describe the speech communicative culture, we have provided a description of the modifiers of the category of polite request as a kind of regulatory “mechanisms” of speech in general. The methodology of describing a speech act in practical aspect models the possible operation of lexical markers, the content of which verifies both the linguistic and ethno-cultural space of one of the categories of a speech act as a “request”. The descriptive and comparative method makes it possible, since it is the comparison of examples of a speech act of different linguocultures - Mongolian, English and Russian – that can illustrate both “external” (linguistic) and “internal” (linguocultural) modulations of the discourse of a speech act. The results suggest the following preliminary conclusions: categorical signs of “requests” of different linguistic cultures are typologically similar, while maintaining an ethno-cultural background; verbalized grammatically differently, but at the same time illustrate the presence of deeper illocutionary and perlocutionary connections; lexically, the category of “requests” can also be described and compared. The article focuses only on the description of categorical features, grammaticalization and lexicalization of requests in the Buryat linguoculture. The theoretical and practical significance of the highly specific aspect of the ethno-cultural category as a "request" (or speech act) is due to the perspective of the description from the standpoint of discourse, where the speech act is able to detect various (and far from indisputable) signs of an ethno-cultural nature.

Keywords: modifiers, speech act, linguocultures, discourse, ethnocultural phenomenon, Mongolian speech act, category "request", request modulations, verbalizer, minimizer, intensifier

Аннотация:

Статья посвящена описанию практики изучения монголоязычного речевого акта как этнокультурного феномена. Задачи статьи сопряжены для аккомодации двух аспектов речевого акта: лингвистического и лингвокультурного. В этом аспекте в целях описания речевой коммуникативной культуры мы предоставили описание модификаторов категории вежливой просьбы как своеобразных регуляционных «механизмов» речи вообще. Методология описания речевого акта в практическом освещении моделирует возможное оперирование лексическими маркерами, содержание которых верифицирует как лингвистическое, так и этнокультурное пространство одной из категорий речевого акта как «просьба». Метод описательно-сравнительный, так как именно сравнение примеров речевого акта разных лингвокультур – монголоязычной, англоязычной и русскоязычной, – способно проиллюстрировать как «внешние» (лингвистические), так и «внутренние» (лингвокультурные) модуляции дискурса речевого акта. Результаты дают основание полагать о следующих предварительных выводах: категориальные признаки «просьбы» разных лингвокультур типологически схожи, сохраняя при этом этнокультурный фон; вербализованы грамматически по-разному, однако при этом иллюстрируют наличие более глубоких иллокутивных и перлокутивных связей; лексически категорию «просьбы» также возможно описать и сравнить. Статья акцентирует внимание только на описании категориальных признаков, грамматикализации и лексикализации просьбы в бурятской лингвокультуре.

Теоретическая и практическая значимость узкоспецифического аспекта этнокультурной категории как «просьба» (или речевого акта) обусловлена перспективностью описания с позиций дискурса, где речевой акт способен обнаружить различные (и далеко не бесспорные) признаки этнокультурного характера.

Ключевые слова: модификаторы, речевой акт, лингвокультуры, дискурс, этнокультурный феномен, монголоязычный речевой акт, категория «просьба», модуляции просьбы, вербализатор, минимизатор, интенсификатор

Введение

Справедливо подмечено, что понимание вежливости у разных народов различно. Категория вежливости как категория универсальная и определяющая гармонию общения имеет, тем не менее, национально-культурную специфику. Тип культуры, по мнению Т.В. Лариной, определяет структуру социальных отношений, наиболее приемлемых для конкретного этноса, моральные ценности, задающие нормы и правила межличностного коммуникативного общения. «У одних народов вежливость может ассоциироваться с почтительностью и даже почитанием, у других – со скромностью, у третьих – с демонстративным вниманием к окружающим» [7, с. 164]. Следует также согласиться с утверждением того, что вежливость объемнее этикета как свода коммуникативных норм и правил [9, 17]. Действительно, вежливость — это целая система (а не свод) стратегий и тактик, нацеленных на гармоничное общение [11, 12, с. 9-34].

При этом общеизвестно, что национально-культурная специфика речевого поведения играет одну из ключевых позиций в изучении проблемного поля межкультурной коммуникации [5]. Исследованы лингвокультурные причины различий системы модифицирующих вербализаторов категории вежливости [10, с. 149-154]. Категория вежливости как категория универсальная и определяющая гармонию общения имеет, тем не менее, национально-культурную специфику и обусловлена типом культуры [3, 6, с. 3-17]. Рассматривается

модификатор вежливости англоязычной, монгольязычной и русской лингвокультур, вербально представленный лексемами *please*, *пожалуйста* в сопоставлении с «нулевым» словом-аналогом в монгольских языках. Задачей данного сообщения является определение скрытых, на первый взгляд, механизмов или культурно-специфических регуляторов данной категории на примере сопоставительного анализа национальных поведенческих стратегий проявления вежливости. Лексически просьба в англоязычной и русскоязычной речевых культурах выражается комплексом средств (см. Табл.1).

Табл.1

просьба / request / гуйлта	Модификатор вежливой просьбы в русской ЛК ²⁰	Модификатор вежливой просьбы в англоязычной ЛК	Модификатор вежливой просьбы в монгольязычной ЛК
наличие модификатора	пожалуйста; будьте так добры и т.д.	Please; would you be so kind, etc.	-

Англо- и русскоязычную, монгольязычную сближают, во-первых, наличие императивных высказываний, полувопросительных конструкций, косвенных вопросов, во-вторых наличием т.н. «минимизаторов», в-третьих, универсальными лексическими «стратегиями» речевого поведения при высказывании просьбы. Бурятская лингвокультура также представлена стратегиями и средствами универсального характера (См. Табл.2). Справедливо подмечено, что понимание вежливости у разных народов различно.

Табл.2

просьба / request / гуйлта	вербализатор вежливой просьбы в русской ЛК	вербализатор вежливой просьбы в англоязычной ЛК	вербализатор вежливой просьбы в монгольязычной ЛК
наличие вербализатора	<i>ты / Вы</i> формами; <i>ласк.-уменьш.</i> формами обращений (<i>сынок; доченька; бабуля и т.д.</i>);	<i>please; dear; just; will you; would you; could you; right; all right; OK; you know; my dear sonny, etc.</i>	личные местоименные формы ши «ты» / Та «Вы» формами; <i>ласк.-уменьш.</i> формами обращений (<i>хубүүхэн «сынок; басагахаан «доченька»; и т.д.</i>); слова-обращения – <i>мухаа «мой / моя»; миний / манай хубүүхэн «мой / наш сынок»; хубүүмни / хубуухэмни «сынок»; басагамни, / басагахамни «доченька» и проч.</i>

Обзор литературы

Описанию категории вежливости, равно как и речевого акта «просьба», видов дискурса посвящен ряд трудов Т.В. Лариной [2007; 2009; 2013; 2015; 2016; 2019], С.Г. Тер-Минасовой [2000; 2000], Анны Вежбицкой [1985], В.И. Карасика [2016] и др. Имеются совместные труды с позиций лингвистики [Leech, G., Larina T. 2014]. Наиболее детально

²⁰ ЛК – лингвокультур(е)

изучены англо- и русская лингвокультурные категории вежливости [8], вежливой просьбы как отдельные феномены, так и в сравнительно-сопоставительном аспекте. Отдельно дискурс в плане исследования категории просьбы специально не становится объектом изучения, однако наблюдается возрастающий интерес к данному предмету [1, 4]. Имеются и учебные пособия, где «с позиции современной французской философии постмодернизма дискурс представляет собой особую ментальность и идеологию, которые выражены в тексте, обладающем связностью и целостностью и погруженном в жизнь, то есть дискурс рассматривается в социокультурном, социально-психологическом и других контекстах» [1, с. 6]. Это дает нам основание полагать о перспективности изучения речевого акта, категории «просьба» именно с позиций дискурса, позволяющем комплексно рассмотреть механизмы речевой коммуникативной культуры, азы которой подробно описаны С.М. Тер-Минасовой [15, 16].

Материалы и методы

Нами выбраны примеры из речевой практики бурятского языка как одного из монгольских языков, иллюстрирующие категориальные признаки «просьбы». Бурятский язык как все остальные монгольские языки относится к языкам агглютинативного типа. Поэтому для выражения просьбы, где маркер «пожалуйста» передается посредством каких-то аффиксальных приращений. Для определения концептуального содержания категории просьбы следует выяснить значение данных аффиксов. А это возможно при условии сравнения (или сопоставления) с нормами вежливой просьбы других лингвокультур. Для этого нами избраны русскоязычная и англоязычная лингвокультуры, диаметрально противоположные. К тому же данная методология обусловлена двумя аспектами речевого акта, когда, только при сопоставлении, возможно выявить этнокультурную составную речевого акта [13]. По-другому, каждый пример речевого акта представляет собой этнокультурный феномен, т.к. обусловлен, в первую очередь, культурными нормами этноса, народности [14, с. 7-27].

Бурятская лингвокультура отлична от других лингвокультур тем, что она более иных постулирует категорию «старший-младший» в контексте иерархии межличностных отношений. Традиционная культура монголов основана на беспрекословном подчинении младшего (по возрасту, статусу, социальной роли и пр.) старшему. С одной стороны, можно «подозревать» об императивности общения, с другой стороны, выявлено наличие модификаторов категории вежливости. Собственно, этому узкому аспекту изучения категории «просьбы» и посвящена данная статья.

Результаты и обсуждение

Бурятский язык как один из монгольских языков относится к языкам агглютинативного типа, когда к основе «приклеивается» смыслодержущий суффикс, как, например, финальный аффикс *-мнай* (*-мни*) «мой / моя» (См. Табл.3).

Табл.3

просьба / request / гуйлта	Минимизатор вежливой просьбы в русской ЛК	Минимизатор вежливой просьбы в англоязычной ЛК	Минимизатор вежливой просьбы в монгольязычной ЛК
наличие минимизатора	<i>мой / моя</i> ; ласкательно-уменьшительным аффиксальным окончаниям типа <i>-ок</i> (<i>сын-ок</i>), <i>-очек</i> (<i>сын-очек</i>), <i>-уля</i> (<i>сын-уля</i>) и	<i>my dear</i>	финальный аффикс <i>-мнай</i> (<i>-мни</i>) «мой / моя»; <i>-хэн</i> / <i>-хон</i> (ср. <i>хубуу(н)</i> - <i>хубуу</i> - <i>хэ(н)</i> / <i>хубуу</i> <i>-мни</i> «сыночек мой»; (<i>манай</i>) <i>хубуу-</i>

	проч. минимизаторами, используемыми для снижения «социальной цены» предмета просьбы и приумножения затрат адресата (<i>чуть-чуть; на минутку; капельку; секундочку и проч.</i>); удвоение выражения просьбы (<i>прошу тебя, ну, очень прошу</i>)		хэн «МОЙ СЫНОК»
--	--	--	-----------------

Таким образом, при выражении просьбы в бурятском языке важную смягчающую роль при отсутствии слова «пожалуйста» играет форма обращения, совпадающая частично со средствами русского языка. Императивно-побудительное обращение при просьбе в бурятской ЛК выражено аффиксом *-та*; частицей *-даа*; перформативами (См. Табл. 4).

Табл.4

просьба / request / гуйлта	интенсификатор вежливой просьбы в русской ЛК	интенсификатор вежливой просьбы в англоязычной ЛК	интенсификатор вежливой просьбы в монгольязычной ЛК
наличие интенсификатора	<i>пожалуйста</i>	<i>please, my dear</i>	<i>намда хамһаг-ты</i> «помоги-те мне», <i>намда туһалаг-ты</i> «окажи-те мне помощь» т.е. своего рода знаком-индексом уважительного отношения к адресату;
В отношении плана содержания	аффиксу русского языка <i>-те</i> (помоги-те)	конечным формативам <i>will you; would you; could you; right; all right; OK; you know</i>	аффикс <i>-ты</i> бурятского языка
В отношении плана выражения	«можно мне еще чашку чая?»), который означает дословно вопрос «возможно ли?»	<i>may I / could I</i>	используются просительные-смягчающие конструкции типа <i>болохо гүү (үшөө нэгэ аяга сай уужа болохо гүү?</i> Иногда к просьбе добавляются словосочетания-перформативы типа <i>баяртай байхаб</i> «буду рад / буду признателен» - <i>Дахин хонходоо хаатнай би баяртай байхаб</i> «Дахин хонходоо хаатнай би баяртай

			байхаб», Намайе хүлээгээ хаатнай би баяртай байхаб «Я была бы признательна Вам, если бы Вы подождали меня» и проч. Подобные перформативы (болохо гүү; баяртай байхаб; гуйнаб «прошу / молю / упрашиваю») также являются лексическими знаками, индексирующими высокую степень категории вежливости.
--	--	--	--

Однако основное содержательное значение категории вежливости заключено в осознанном предпочтении императивных прямых высказываний на грани команды или вежливого пожелания исполнить просьбу говорящего. К примеру, такие императивы как намда хамна / намда хамналаса «помоги мне»; намда хамналасьшта «помогай мне!» используются при обращении с просьбой к лицу младшему по возрасту или статусу семейному, иногда социальному. При обращении с просьбой к адресату, который старше по возрасту или своему социальному статусу, употребляется, как правило, аффикс *-та*, маркирующий дистанцию.

По своему содержательному значению бурятские перформативы более близки к английским модификаторам, позволяющим максимально смягчить просьбу и при этом соблюдать некоторую дистанцированность. Поэтому просьба выражена посредством вопросительных конструкций – «Не подбросишь меня до дому?» Намайе гэр хүрэтэрни абаашажа үгэхэ гүт? «Не одолжишь мне эту книгу на пару дней?» Энэ ном хоёр үдэрөөр намда үгэхэ гүт? Вопросительные слова гүт? «не подбросите?» «не дадите?» также служат маркером вежливого вопроса-просьбы, предполагающий неоднозначный ответ по сравнению с аффикс *-даа* и перформативами типа болохо гүү; баяртай байхаб; гуйнаб, не предполагающими и не допускающими неисполнения просьбы. Также используются утвердительно-согласительные вопросы – «Не перезвонишь мне позже, хорошо? Баймга хонходоорой, *заа* гүү? На такую просьбу можно ответить только согласием.

Исследователи глагола бурятского языка отмечают, что «В зависимости от степени интенсивности семы повеления глаголы повелительного наклонения выражают приказ, требование, предложение, просьбу, совет, пожелание, мольбу и др.» [2, с. 71], считая типологической особенностью глагола бурятского языка наличие широкой системы со значением волеизъявления (императива). В.И. Карасик считает, что «в бытовом дискурсе взаимопонимание бывает достаточно полным, поскольку ориентация в предметном мире носит живой указательный характер» [4, с. 59], что позволяет продуктивно изучать проявления бытового дискурса в речевых актах.

Заключение

Изученный материал речевого акта бурятской лингвокультуры позволяет заключить, что для объяснения отсутствия специального слова, выражающего вежливую просьбу в речевой культуре монголоязычных народов, следует учитывать этнокультурные нормы общественного поведения, которые согласуются с понятием «старший ~ младший»,

«главный ~ подчиненный», «свой ~ чужой». Культурные нормы речевого поведения сопряжены с принципами моральной ответственности как за изъявление просьбы (иногда не допускающей неподчинения), так и за исполнение просьбы старшего по возрасту, социальному положению или семейной иерархии. Другими словами, императивная форма не допускает неисполнения высказанного изъявления желания / пожелания, т.к. таковы культурные установки, таков этикет, таковы принятые речевые акты выражения просьбы без использования специального слова типа *пожалуйста* или *please*.

В теоретическом плане любопытно иметь в виду разность грамматических форм просьбы. Если просьба «оформлена» как побудительное пожелание (директива, например), что очевидно по грамматической форме повелительного наклонения глагола, то и в русской, и в бурятской лингвокультурах принимается во внимание пропозициональное содержание высказывания. По-другому, от кого исходит директива и к кому она обращена. В случае коммуникативной ситуации «старший – младший» контроль говорящего над адресатом (и именно в той сфере деятельности, к которой относится) входит в число условий успешности приказа, но противоречит условию успешности для просьб. Поэтому перспективно исследование иллокуции и перлокуции речевого акта более детально.

В практическом ракурсе не описано в сравнительном аспекте косвенных речевых актов, наличествующих в любой лингвокультуре. Считается, что косвенный речевой акт – это речевое действие, осуществляемое с помощью высказывания, имеющего в своей структуре явный показатель одной иллокутивной функции, но при этом исходно (в норме) их иллокутивная функция является другой. Примерами косвенных речевых актов являются вежливые просьбы, «замаскированные» под вопросительные предложения (Вы не могли бы оставить мне эту книгу еще на неделю?), или утверждения, имеющие опять-таки вид вопросов (так называемые риторические вопросы).

References:

1. Discourse as a new linguophilosophical paradigm: textbook / comp. A.G.
1. Gorbunov. Izhevsk: Publishing house "Udmurt University", 2013. 56 p.
2. Egodurova V.M. Buryat verb: Textbook. – Ulan-Ude: Buryat State University Publishing House, 2003. – 140 p.
3. Loher M.A., Larina T.V. Introduction to the study of politeness and impoliteness in a global context // Russian Journal of Linguistics. Peoples' Friendship University of Russia. Volume 23. 2019. pp. 873-903.
4. Karasik V.I. Discursive manifestations of personality // Russian Journal of Linguistics, 2016. No. 20 (4), pp.56-77.
5. Kovalenko A.G., Chebotareva E.Yu., Mikheeva N.F., Larina T.V., Novikova I.A., Ebzeeva Yu.N., Maslova O.V., Volk M.I., Ibadova T.I. Intercultural communication: linguistic and psycholinguistic aspects. Collective monograph. Moscow: RUDN. 2009. 499 p.
6. Larina T.V. Ethnostilistics in its communicative aspect // Izvestiya RAS. Series of Literature and Language, 2007. Vol. 66, No. 3. pp. 3-17.
7. Larina T.V. Category of politeness and style of communication: Comparison of English and Russian linguistic and cultural traditions. M.: Languages of Slavic cultures (Language. Semiotics. Culture), 2009. 512 p.
8. Larina T.V. The English and the Russians: Language, culture, communication. M.: Languages of Slavic cultures, 2013. 360 p.
9. Larina T.V. Pragmatics of emotions in an intercultural context // Vestnik Peoples' Friendship University of Russia. Series: Linguistics. 2015 No. 1. pp. 144-163.
11. Larina T.V. Politeness as a regulator of communicative behavior // Materials of the VIII International Scientific Conference "Word, utterance, text in cognitive, pragmatic and cultural aspects". Encyclopedia. 2016. pp. 149-154.
12. Leech, G. 2014. The Pragmatics of Politeness Oxford Studies in Sociolinguistics. Oxford: OUP.
13. Leech, G. and Larina, T. 2014. Politeness: West and East. Russian Journal of Linguistics, 4, 9-34.

14. New in foreign linguistics: Vol. 17. Theory of speech acts. Collection. Translated from English/ Comp. and introductory articles by I. M. Kobozeva and V. 3. Demyankova. General ed. by B. Y. Gorodetsky. M.: Progress, 1986. 424 p.
15. Rakhilina E.V., Bychkova P.A., Zhukova S.Yu. Speech acts as a linguistic category: discursive formulas // Questions of linguistics, 2021. No. 2. pp.7-27.
16. Ter-Minasova S.G. Language and intercultural communication: a textbook for students, postgraduates and applicants in spec. "Linguistics and intercultural communication". Moscow, 2000. 262 p.
17. Ter-Minasova S.G. Language and intercultural communication: monograph. M.: Slovo, 2000. 164 p.
18. Wierzbicka A. A semantic metalanguage for a crosscultural comparison of speech acts and speech genres. Language in Society, 1985, 14: 491–514.

Список литературы:

1. Дискурс как новая лингвофилософская парадигма: учебное пособие / сост. А.Г.
2. Горбунов. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. 56 с.
3. Егодурова В.М. Бурятский глагол: Учеб. пособие. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2003. – 140 с.
4. Лохэр М.А., Ларина Т.В. Введение в исследование вежливости и невежливости в глобальном контексте // Russian Journal of Linguistics. Российский университет дружбы народов. Том 23. 2019. С. 873-903.
5. Карасик В.И. Дискурсивные проявления личности // Russian Journal of Linguistics, 2016. № 20 (4), С.56-77.
6. Коваленко А.Г., Чеботарева Е.Ю., Михеева Н.Ф., Ларина Т.В., Новикова И.А., Эбзеева Ю.Н., Маслова О.В., Волк М.И., Ибадова Т.И. Межкультурная коммуникация: лингвистические и психолингвистические аспекты. Коллективная монография. Москва: РУДН. 2009. 499 с.
7. Ларина Т.В. Этностилистика в ее коммуникативном аспекте // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2007. Т. 66, №3. С. 3 – 17.
8. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур (Язык. Семиотика. Культура), 2009. 512 с.
9. Ларина Т.В. Англичане и русские: Язык, культура, коммуникация. М.: Языки славянских культур, 2013. 360 с.
10. Ларина Т.В. Прагматика эмоций в межкультурном контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2015 № 1. С.144-163.
11. Ларина Т.В. Вежливость как регулятор коммуникативного поведения // Материалы VIII Международной научной конференции "Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах". Энциклопедия. 2016. С. 149-154.
12. Leech, G. 2014. The Pragmatics of Politeness Oxford Studies in Sociolinguistics. Oxford: OUP.
13. Leech, G. and Larina, T. 2014. Politeness: West and East. Russian Journal of Linguistics, 4, 9-34.
14. Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Пер. с англ./ Сост. и вступ. ст. И. М. Кобозевой и В. 3. Демьянкова. Общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. 424 с.
15. Рахилина Е.В., Бычкова П.А., Жукова С.Ю. Речевые акты как лингвистическая категория: дискурсивные формулы // Вопросы языкознания, 2021. № 2. С.7-27.
16. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учеб. пособие для студентов, аспирантов и соискателей по спец. "Лингвистика и межкультурная коммуникация". М., 2000. 262 с.
17. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: монография. М.: Слово, 2000. 164 с.
18. Wierzbicka A. A semantic metalanguage for a crosscultural comparison of speech acts and speech genres. Language in Society, 1985, 14: 491–514.

Information about the Authors:

Zhamsaranova Raisa Gandybalovna (Chita, Russia) - Doctor of Philology, Professor, Department of Chinese, Head of the Research Institute "Conceptual Systematics of Endangered and Modern Languages", Trans-Baikal State University, Chita, Russia.

ORCHID, ORCID: 0000-0002-12756396;

Spin-cod iD: 320698

E-mail:rebeca_zab@mail.ru

Acknowledgments: I thank colleagues for valuable advice in the process of this research and editing the article and I thank the reviewers for their valuable suggestions.

Contribution of the Authors. The authors contributed equally to the present research.